

УДК 392.51

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-751-758

Знаки «временной смерти» невесты в свадебной обрядности верхнесосьвинских манси

С. А. Попова

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
rusina-popova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье даётся анализ аспектов мировоззрения семейной обрядности манси. В традиционном сознании вступление девушки в брак и переход из отцовского рода в род мужа, осмысляется, как смерть. Испытание «временной смерти» даёт ей психологический настрой на возможность благополучного перехода не только в новую родственную группу, но и в следующую социовозрастную категорию. Идея символической смерти выражается знаками, замещающими признаки иного мира в испытании «временной смерти». Перевоплощение беззаботной девушки в замужнюю женщину посредством ритуалов, объясняет повышенное внимание к невесте во время свадебных торжеств.

Цель раскрыть смысловое содержание знаков «временной смерти» невесты с позиции теории «обрядов перехода».

Материалы исследования: данные фольклора, полевые материала автора, опубликованные этнографические материалы.

Результаты и научная новизна. Свадебная обрядность рассматривается применительно к историческому времени (XVIII–XX вв.). В процессе исследования выявлено, что в бытовавшей ещё в начале прошлого века мансийской свадебной обрядности, находят отражение аспекты дуально-фратриального брака (род отца, род мужа) и социальное поведение членов коллектива (возрастная градация, переход из одной социальной категории в другую). Проанализирована семантика знаков, а также тождественных им символов и атрибутов с точки зрения ритуальных признаков символической смерти невесты (неподвижность, изоляция, невидимость, избегание) и их функциональное значение. Описаны действия, направленные на благополучный исход свадьбы, продуцирующую силу (многотность) молодой пары, охрану молодожёнов от сглаза и порчи, что соответствует значению самой свадьбы.

Вводится в научный оборот полевой материал автора по формированию традиционных представлений, отражающих один из периодов «жизненных переломов».

Ключевые слова: манси, невеста, обряды перехода, символическая смерть, знаки перехода, свадебная обрядность.

Для цитирования: Попова С. А. Знаки «временной смерти» невесты в свадебной обрядности верхнесосьвинских манси // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 751–758.

Signs of the «temporary death» of a bride in the wedding ceremony of the Upper Sosva Mansi

S. A. Popova

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
rusina-popova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article analyzes aspects of the worldview of the Mansi family rite. In the traditional consciousness, the girl's marriage and her passing from the paternal family to the husband's family is understood as a state of death. The trial of «temporary death» gives her a psychological attitude to the possibility of a successful passing not only to a new related group, but also to the next socio-age category.

The idea of symbolic death is expressed by signs replacing the signs of another world in the trial of «temporary death». The transformation of a carefree girl into a married woman through rituals explains the increased attention to a bride during wedding celebrations.

Objective: using the example of the wedding ceremony of the Upper Sosva Mansi to reveal the semantic content of the signs of the «temporary death» of a bride from the standpoint of the theory of «rites of passage».

Research materials: folklore data, author's field materials, published ethnographic materials.

Results and novelty of the research: wedding ceremony is considered in relation to the modern historical time (XVIII – XX centuries). In the course of the study, it was revealed that in the Mansi wedding ceremony that existed at the beginning of the last century, aspects of dual-phratry marriage (father's family, husband's family) and social behavior of community members (age gradation, passing from one social category to another) are reflected. The semantics of signs, as well as identical symbols and attributes from the point of view of the ritual signs of the symbolic death of a bride (immobility, isolation, invisibility, avoidance) and their functional significance are analyzed. The actions aimed at the successful outcome of the wedding, the producing power (having many children) of a young couple, the protection of the newlyweds from the evil eye and spell, which corresponds to the meaning of the wedding itself, are described.

The author's field material on the formation of traditional ideas reflecting one of the periods of "life fractures" is introduced into scientific circulation.

Keywords: the Mansi, bride, rites of passage, symbolic death, signs of passage, wedding ceremony.

For citation: Popova S. A. Signs of the "temporary death" of a bride in the wedding ceremony of the Upper Sosva Mansi // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (4): 751–758.

Введение

В мансийском языке нет слов «выйти замуж» и «жениться», их заменяют понятия, в которых закодированы древние формы брака и семейной организации: *хум в̄арсум* 'мужа (-ем) сделала', *нэ тотсум* 'жену принёс'. Как и нет слова «свадьба», его заменяет лексема *нүри* угощение (пир).

Свадьба относится к особой группе семейной обрядности – обрядам жизненного цикла (рождение, похороны) или обрядам перехода. Их объединяет общий и главный признак – это трёхчастность: изоляция (отделение человека от старого окружения и разрыв с прошлым), промежуточное состояние (временная смерть) и рождение (воссоединение с коллективом, но уже в новом качестве) [18, 168–169].

Общие черты стереотипных обрядовых действий были выявлены франко-бельгийским фольклористом А. ван Геннепом. После выхода в свет его книги «The Rites of Passage», название «обряды перехода» и выделенные им основные признаки, прочно закрепились в науке [21]. А. ван Геннеп, исследуя обрядовые комплексы, учитывает последовательность проводимых церемоний, таким образом, выделяет структуру, а не содержание обрядов. Ритуал как процесс последовательно сменяющихся друг друга этапов, до ван Геннепа рассматривали М. Мосс и А. Юбер в своих исследованиях по жертвоприношениям [9] и R. Hertz [25]. В вопросе дальнейшей разработки теории «обрядов перехода» наибольшая известность принадлежит английскому этнографу, социологу и фольклористу Виктору Тэрнеру как учёному, воспринявшему и развившему концепцию А. ван Геннепа [18]. М. В. Тендрякова рассматривает постановку вопроса мужских и женских возрастных инициаций [17].

Типологии семиотических средств ритуала выделяет российский учёный А. К. Байбурун. Он отмечает: «К высшему уровню принадлежат две серии ритуалов, обеспечивающих ритм жизни коллектива (календарные) и ритм индивидуальной жизни человека (обряды жизненного цикла) [1, 18]. Е. С. Новик рассматривает ряд актуальных проблем этнографии и фольклористики, подробно анализирует широкий круг обрядов, в том числе и свадебный, где «моделируются обменные отношения между двумя группами внутри коллектива, в результате чего происходит 'переход' невесты (= объекта, подлежащего 'передаче') в группу же-

ниха» [11, 182]. С. А. Попова впервые вводит в исследование традиционной семейной обрядности северных манси гендерный аспект, выявляя женскую и мужскую сферы культуры [13]. Описание мансийской свадьбы дают в своих работах Е. И. Ромбандеева [15], В. С. Иванова [4; 5], а свадьбы обско-угорской – Я. А. Яковлев [19]. Финно-угорский и тюркский ритуал инициации невесты рассматриваются в статье А. Б. Наурызбаевой и др. [10]. Некоторые сведения, относящиеся к ритуальным действиям, нашли отражение в зарубежных источниках [22; 23; 24]. Несмотря на, казалось бы, широкое освещение в литературе свадебной обрядности, тема «умирания невесты», со всем сопровождающим комплексом атрибутов, не нашла должного отображения, как и собственно мансийская свадьба.

Материалы и методы

Основу статьи составляют тексты мансийских сказок и мифов; полевые материалы автора, как этнографические, так и фольклорные, собранные от информантов в ходе экспедиций и командировок в населённые пункты Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (1993–2019 гг.); опубликованные этнографические источники XIX–XXI вв. Автор использует интерпретационный метод исследования в свете общей концепции культуры К. Гирца [3]. При написании статьи учитывался и комплекс методологических принципов семиотики, разработанных отечественными исследователями (А. К. Байбуриным, Е. С. Новик, В. Я. Проппом, В. Н. Чернецовым), а также системный подход междисциплинарных исследований, главная задача которого состоит в выявлении «языка» знаков и его расшифровке.

Результаты

В традиции манси, как и многих других северных народов, наблюдается структурное сходство обрядов перехода с промысловой обрядностью [11, 163–164]. Каждый переход индивида в новое состояние – это приобретение нового статуса, он сам становится ценностным приобретением, сравнимым с охотничьей добычей: *нэ к̄атын паттыслум* 'жену в руки уронил/поймал'; *тохтыглам а̄ги* 'подростая девушка', со значением *тох-тыгыл тылам а̄ги* 'так, таким образом отсюда [из гнезда

готовая] вспорхнуть девушка'; *лэсьмум айги* (от *лэс* 'петля, силок'), т. е. «[готовая] попасть в силок» [14, 127, 130]. В контексте ценностной значимости сосватанная девушка-невеста (*хййтталым айги*) переходит в возрастную группу, именуемую *яныг айги* 'большая девушка'. Термин «большая» указывает на возраст девушки – старшая, и на более высокий социальный статус – значимая, достойная, важная. Со времени сговора с родителями девушки (*нэ хййталан вярмаль* 'сватовство') семья вплотную начинает процесс подготовки к свадьбе.

В прошлом, в социальной организации манси, преобладала система родства (*акв рут мэхум* 'люди одного рода', едиnorodные), каждый человек был приобщён к определённому роду и ощущал себя именно его членом. В то же время, в сложившихся условиях дуально-фратриальной брачной системы девушка, выйдя замуж за представителя другого рода (экзогамный брак), переходила в совершенно чужой для неё мир родственников мужа (чужеродная). Согласно традиции уход из родной семьи и невозможность возврата представлялся как акт смерти, а вхождение и закрепление в новой семье, как возрождение. Переход обставлялся соответствующими обрядами, где девушка должна испытать символическую (временную) смерть. Обряд обеспечивал не только благополучное укоренение молодой в непривычной, иной ритуальной среде (разные роды, каждый из которых имел своих духов-покровителей), но и приобретение ею нового социального статуса и качества (замужняя женщина, сноха, невестка). Обряды, вводящие девушку в женский мир и возлагающие на неё социальную роль взрослой женщины, классифицируются как «обряды перехода» или инициации. Особо выделяются переходные и посвятельные обряды в период свадебной церемонии, где девушка выступает в роли невесты. Промежуточное состояние, когда девушка уже не свободная, но ещё не замужем, мы вслед за В. Тернером будем обозначать термином «лиминальный (пороговый) период», сравнимый со смертью, утробным существованием, невидимостью, темнотой [18, 17–18]. В этот период, как невеста, так и жених могут иметь признак бесполого существа, например, в дни свадебных празднеств девушки могут играть на мужском музыкальном инструменте *санквылтан*'е, а юноши танцевать в женском платье (подобное поведение мужчин ещё наблюдается во время проведения медвежьего праздника), что категорически запрещено в обычное время [7, 149, 153].

Статус девушки этого возраста – *лэсмин айги* 'прихорашивающаяся девушка [на выданье]' в значении «требуемая подправки», что соответ-

ствует её пороговому периоду. В данном случае слово *лэсмин* можно соотнести с лексемой *лэстан* 'оселок', т. е. брусок для правки ножей, топоров, или с сакральным словом *лэстэн* в значении 'поддерживать, подправить [огонь чтобы не угас окончательно]'. Семантический ряд слов «поправить», «починить», «поддержать» может означать, что имеется нечто нужное, но требующее соответствующей правки. Например, в коми-зырянском языке *-лэс-* является основой слова *лэседны*, как в значении «починить» что-либо, так и «собрать, подготовить» кого-либо (в дорогу, к свадьбе). В это время, девушки получают знания, касающиеся нового статуса. Для их усвоения практикуются испытания, которые символизируют разрушение прежнего положения в обществе и обуздание характера в целях подготовки их к новым обязанностям и предостережения от злоупотреблений новыми привилегиями. Им должно быть показано, что сами по себе они – глина, прах, всего лишь материал, форму которому придаёт общество. Неофиты – лишь некие существа в состоянии перехода, у них нет ни места, ни положения [18, 176–177]. Символика разрушения прежнего состояния девушки-невесты особенно проявляется в испытании «временной смерти», ведь как только было получено согласие на брак, её начинали считать умершей и она уже не принадлежала к миру живых до нового возрождения. На свадьбе искусственно создаются и ритуально обставляются ситуации уподобления смерти и утробному существованию, что представляет подобие иного мира.

Сакральная лиминальность начинается с изоляции девушки, где она «выращивается в женщину» старшими женщинами «посредством словесных и несловесных наставлений, которые преподносятся ей в виде правил и символов» [18, 176]. В несловесных наставлениях изоляция проявляется, прежде всего, в ритуалах: одевание невесты; усаживание её в полог или за тканевую занавеску; укрывание головы платком. Девушка на свадьбу сама не одевается, запрещено, одежду и обувь на неё надевает старшая сестра мужа (*асьайги*) или сноха (*оныте*). В этом ритуале обнаруживается состояние неподвижности, один из внешних видимых признаков смерти. Сыгвинские манси на невесту надевают 3 платья и 5–7 платков и сверху меховую шубу (*саху*) [15, 86], верхнесосьвинские – голову невесты покрывают сложенным пополам (двойным) шёлковым платком (*мань нэ китпис ярмак тёр*), обувают меховую обувь и надевают *саху* [ПМА 1: Г. К. Алгадьева]. Одевание множества одежд сравнимо с символическим обряжением покойного. В погребально-поминальной традиции манси иной

мир представляется как Север, царство мрака, холода и сырости, где никогда не бывает солнца [13, 57]. Также укутывание брачующейся может символизировать плод (эмбрион) в утробе матери (*сам сәйн*, букв.: за глазами, невидимый): он не видит, и его не видят. В невидимости также выявляется признак потустороннего мира. Подобно плоду, невеста изолирована от мира живых. По этой причине на протяжении всей свадебной церемонии, как в доме её отца, так и после, уже в доме жениха, она находится в пологе *хасапсәйн тӯлаве* ‘за полог [прячут] тайно’, (от *тӯлыт* ‘тайно’). «Ткань выступает в обрядовой сфере как разграничитель миров, чаще Среднего и Нижнего, и по этой причине её символика актуализируется в ритуалах перехода» [16, 118]. На сакральный контекст бытования у манси ткани и платков-шалей на рубеже XIX–XX вв. обратил внимание финский исследователь А. Каннисто [6, 315–317, 319]. Другое значение невидимости, где обнаруживается связь с иным миром – слепота. Слепоту знаково замещает платок, надетый на голову невесты. Концы платка опущены и плотная ткань закрывает лицо, что в буквальном смысле делает её «слепой», как и в ритуале наложения посмертной маски из лоскута ткани (*вйльт лõтыс*) на лицо умершего. Закрытие головы плотным платком или несколькими платками предполагает, что ни говорить, ни слышать невеста тоже не может (ср. «пустыня бесстатусности» по Тернеру), следовательно, взаимное общение отсутствует, поскольку контактировать могут лишь люди, которые принадлежат к одному миру. Поэтому и не приглашают невесту сесть за стол вместе с гостями [15, 84], т. к. в данный момент они находятся в разных измерениях. Несоблюдение запретов расценивалось как нарушение границ миров и могло привести к различным несчастьям (потусторонние силы могут «прорваться» в мир живых).

Платок-шаль обязательно должен быть с кистями (*русың тõр* ‘платок с кистями’), в обыденной жизни он определяет статус женщины, и ритуальная невидимость, в какой-то мере, будет присутствовать в её жизни постоянно: «Она, следуя обычаю избегания, прячет под опущенным платком своё лицо перед старшими родственниками мужа» [15, 85; 16, 117].

Идея временной смерти невесты воплощалась и в регламентации передвижения, что находит отражение в ритуалах обустройства нарты невесты (*ёрыңсун*), в обрядах прощания с родной деревней и пути следования в чужой для неё дом. Нарта окрашивалась краской красного цвета (*неп* ‘охра’), сделанной из глины. Чтобы краска не стёрлась, сверху её смазывают горячим жиром или натира-

ют свечным воском [ПМА-2: О.К. Самбиндалова]. В оленьей упряжи также преобладает красный цвет: лямки (широкий пояс из замши) и кисточки из красного сукна. Красный цвет символизирует кровь, поскольку она присутствует в естественных, биологических обрядах перехода, например, в родильном – мажут щёки только что родившемуся ребёнку, а в погребальном – смазывают (закрывают) проём входа/выхода после выноса умершего. Нарты имеют укрытие в виде короба (*мәнь нә магсыл сунаныл хурил вәрияныл* ‘для невесты нарты с мешком [укрытие] делают’). Невесту на нарты укладывают так, что голова и часть туловища находятся в этом коробе и до дома жениха её везут лёжа, а «жениха усаживали в другие нарты» [15, 88]. Короб накрывают тонким сукном, подобно тому, как во время перемещения из дома на кладбище поверх гроба с покойным набрасывали ткань, точнее полог или большой платок.

Укладывание невесты на нарты, как и в ритуале одевания, обозначает её неподвижность. Идея символической неподвижности, как знак смерти, проявляется и в поведении девушки при выходе из родного дома и входе в дом жениха. Она изображает умершую, поэтому из родительского дома её, или выносят на руках, или ведут под руки. «Молодая жена первый раз в дом мужа сама не входит, а вводят её две женщины, взяв за обе руки» [15, 87; 7, 379]. Обычно эта миссия возлагается на сваху и жену старшего брата мужа (*оныне*) [ПМА-1: Г. К. Алгадьева]. Герой мансийских фольклорных текстов *Эква ныгрись* просит женщин (букв.: *кат пувнә нә* ‘руку держащая женщина’) ввести в дом жену [7, 159]. Ритуал прощания с родной деревней и всеми родственниками заключался в том, чтобы объехать её три раза по кругу. Данные действия в повседневной жизни не допустимы.

В обряде «временной смерти» невесте необходимо было символически пройти через пространство мёртвых, где она была беззащитна перед злыми духами, поэтому предпринимались различные охранительные меры. Например, рядом с завязками шубы (*сахи кеуың*) пришивались верёвочки с колокольчиками, подвесками из бус, металлическими пуговицами, чтобы звенели [ПМА-1: Г. К. Алгадьева]. В переходный период оберегом служил и наряд невесты. Ложные косы украшались цепочками, яркими пуговицами, монетами и другими металлическими украшениями. Все предметы из лёгкого металла, иначе косы будут очень тяжёлыми, но главное, чтобы при ходьбе они могли звенеть. Звон металла обладает апотропейными функциями, и призван отпугивать от невесты негативные силы потустороннего мира. Охранными свойства-

ми обладают и нагрудные украшения: прикрывающие вырез горловины и грудь – *турлѳнс* букв.: лист [прикрывающий] горло, от *тур* ‘горло’ и *лѳнс* ‘лист, листок’; *пальсак* букв.: уши [прикрывающие] грудь, от *паль* ‘ухо’ и *сякв* ‘грудь (женская)’. Манси верили, что в заблуждение представителей иного мира вводит яркая расцветка платья и орнамент по рукавам, спине, подолу. С этой же целью женский платок шьётся лоскутным и обязательно с кистями. В приданное молодой жены, как на счастье, так и в качестве оберега для её семьи и нового дома, обязательно дарили точило, точильный камень (*кѳвталан*). Оберегом служит и данный матерью для дочери кусочек ткани (*ассын*) от приклада семейным духам со священного угла в родительском доме. Охраняя от влияния негативных сил всего потустороннего, ткань очерчивает рамки священного. Шёлк и сукно снискали ещё и символику состояния зажиточности, богатства: «Дорога, по которой идёт девушка, устлана тонким шёлком, тонким сукном; ими же укрыто стадо быков-самцов, тогда стадо будет неубывающим “неубывающее богатство тонкого шёлка, неубывающее богатство тонкого сукна”» [7, 160–161].

Узоры, кроме охранных свойств, особенно в период неопределённости (пороговый), могут иметь характер магических действий, направленных на благополучный исход свадьбы и многодетность молодой пары. Например, девушка на выданье должна иметь *тучау* ‘сумочка/мешок’ для хранения швейных принадлежностей и мелких личных предметов, который положено изготовить самой (*мань нѳ тучау* ‘невестки (молодой женщины) тучау’). В центре *тучау*’а, с его лицевой стороны располагается орнамент *пѳкв ханса* ‘[кедровой] шишки узор’, или *колыу пѳкв* ‘шишка с домом’, т.е. имеющий семью, потомство. «Данные узоры встречаются только на рукодельных мешочках из меха, то есть на интимных изделиях» [8, 164]. Шишка на *тучау*’е – это символ человека (женщины), а «шишка с домом» – женщина, способная к деторождению, в ней, как в шишке заложены семена новой жизни» [8, 164–166; 2, 198]. Края сумочки украшаются нитяными нанизками *тучау лѳглыт* ‘ноги сумочки’ из бисера, бусинок, монет, пуговиц и небольшими металлическими кружочками (*тучау ѳтуй*). Обычно такую окаёмку имеют традиционные сакральные вещи, из чего следует, что *тучау* для женщины является вещью не утилитарной, а сакральной. Другой значимой принадлежностью, которую должна иметь мансийская девушка перед свадьбой, является *ѳкань хѳрыг* (*ѳкань хѳриг*) ‘кукольный мешочек’ или ‘мешочек для куколок’. Его иногда путают с небольшим по размеру детским

мешочком для игрушек *нѳврам хѳрыг* (*нѳврам хѳриг*) [20, 200]. Девичий *тучау* для куколок имеет особое назначение. В нём девушка хранит «две маленькие куколочки – одна мужского, другая женского пола, если их не будет, то у девушки не будет счастья и не будет детей, когда она выйдет замуж» [15, 80]. Куколочки обычно изготавливает для своей дочери мать [ПМА-1: Г. К. Алгадьева].

Магическую направленность на семейное счастье, благополучие, многодетность имеет и символика времени проведения свадьбы. Обычно её играют на полную луну (круг – символ полнотелости, наполняемости), в середине месяца (центр, середина в антропоморфных представлениях – чрево матери). В качестве сакрального угощения молодых выступают лосиные губы: «когда случается у вогула свадьба, он ничего не жалеет, чтобы достать губы лося и угостить ими молодых в день свадьбы» [12, 82].

В доме жениха невестка (*мань ѳн*) находится в отведённом для молодых месте, за занавеской или в пологе. Жениха подводят и вталкивают к невесте, теперь молодые являются одной семьёй («как в одну нарту запряженные»). Полог, как в обрядах, так и в обыденной жизни имеет определённую семантическую нагрузку как закрытое тайное пространство и жизненный мир супружеской пары. Толчок, удар – важный ритуальный архетип в обрядовой практике. В мифологии и фольклоре он включён в процесс семантической перекодировки, абсолютное начало (народение, преобразования старого в молодое, изменения направления движения времени и др.), от этого созданный человеком мир своей материальной и духовной культуры, имел и утилитарный, и ритуальный смысл.

За символикой «временной смерти» невесты следовало её «возрождение», перевоплощение молодой девушки в замужнюю женщину со своим кругом обязанностей и прав. В ходе свадебных обрядов невесту называют *мань*, что может соответствовать русскому термину ‘молодка’, *мань нѳ* ‘молодая женщина’, *мань ѳн* ‘сноха, невестка’. Слово *мань* означает и невесту, и новобрачную, и сохраняется за ней в доме мужа [ПМА-2: О.К. Самбиндалова].

Обсуждение и заключение

В прошлом, в период бытования традиционной мансийской свадьбы, сосватанная девушка переживала конфликтные ситуации (ср. «социальная драма» по Тернеру). Так, при экзогамном принципе брака, когда молодые принадлежат к разным родам, девушка переходила в совершенно чуждое ей пространство. В то же время, с замужеством

менялся её социально-возрастной статус, соответственно и должен был состояться её перевод в возрастную группу взрослых, замужних женщин. Конфликт преодолевается при помощи ритуалов, в данном случае посредством её символической смерти в прежнем состоянии. Испытания «временной смерти» невесты проявляются в изображении признаков смерти аналогично погребальной обрядности и пребывании в потустороннем мире, что соответствует переходным обрядам в целом. Для этого применяются условные символы смерти и знаки, заменяющие признаки пребывания в потустороннем мире: изоляция невесты в полог, за тканевую занавеску, большой платок символизирует невидимость: она не видит, её не видят. Накрывание головы плотным платком или несколькими платками, обнаруживает схожесть с погребальной маской и делает её слепой, немой, глухой. Одевание невесты, перевозка, лёжа на нартах, ввод и вывод из дома под руки – это ритуальные признаки неподвижности, подоб-

но твёрдости, окаменелости, лишённого двигательной функции тела покойного. Эти и другие описанные выше символические действия, дают представление о том, что невеста находится в состоянии порогового (лиминального) периода, она никто и ничто, её обучают, правят. Для окружающих она считается умершей, с ней не общаются, не приглашают за стол, атрибуты невесты окрашиваются в красный цвет. В тоже время, чтобы не дать ей умереть окончательно, предпринимались в её адрес охранительные меры от вредоносных сил потустороннего мира. Это выражалось в символике орнамента; нагрудных, нагрудных украшениях; в оформлении платка (лоскутность, с кистями). Магическая направленность ритуальных предметов, в том числе, изготовленных собственноручно, и обрядовых действий сватов, близких родственников, подружек, способствовала благополучному соединению брачующихся, будущему деторождению, приумножению достатка молодой семье.

Список источников и литературы

1. Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
2. Вахтер Т. Орнамента обских угров. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2019. 504 с.
3. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОСПЭН, 2004. 560 с. (Серия «Культурология. XX век»).
4. Иванова В. С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX–начало XXI века). Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 282 с.
5. Иванова В. С. Свадьба и послесвадебные обряды у северных манси // Север, олени и не только...: Сб. научных тр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. 151 с.
6. Каннисто А. Сооружения и вещи при жертвоприношениях вогулов / манси (пер. с нем. Н. В. Лукиной) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 312–322.
7. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с. (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»; Т. 26).
8. Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 261 с.
9. Мосс М., Юбер А. Очерк о природе и функции жертвоприношения // Мосс М. Социальные функции священного: избранные произведения / [Пер. с франц]. СПб.: Евразия, 2000. С. 7–103.
10. Наурызбаева А. Б., Шайгозова Ж. Н., Кульсариева С. П. Финно-угорский и тюркский ритуал инициации невесты: общее и специфичное в традиционных сакральных знаниях (на примере обских угров и казахов) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 388–397.
11. Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме (Опыт сопоставления структур). М.: Наука, 1984. 304 с.
12. Носилов К. Д. У вогулов: Очерки и наброски / сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 304 с.
13. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
14. Попова С. А. Основные периоды жизненного пути мансийской женщины // Вестник угроведения. 2016. № 1 (24). С. 125–134.
15. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Сев. дом, Сев.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 208 с.
16. Рындина О. М. Платок в картине мира манси // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 116–121.
17. Тендрякова М. В. Мужские и женские возрастные инициации (вариант постановки проблемы) // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 29–41.
18. Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. В. А. Бейлис. М.: Наука, 1983. 277 с.
19. Яковлев Я. А. На свадьбе и после неё. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. 366 с. (Серия «Жизнь обских угров: взгляд изнутри». Т. 2).
20. Vahter T. Ornamentik der Ob-Ugrier / Material gesammelt von August Ahlqvist, U.T. Sirelius, Artturi Kannisto u.a. Bearbeitet und herausgegeben von Tyuvi Vahter. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1953. 216 S. +200 Taf.

21. Gennep A. van. *The Rites of Passage*. Chicago: University of Chicago Press, 1960. 198 p.
22. Kannisto A. *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1958. 443 S.
23. Karjalainen K. F. *Die Religion der Jugra-Völker*. Helsinki-Porvoo: Suomalainen tiedeakatemia, 1921. Bd. I. 204 p.; 1922. Bd. II. 386 p.; 1927. Bd. III, 352 p.
24. Paasonen H., Vertes E. *Sudostjakische Textsammlungen* Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1980. Bd. I–IV.
25. Hertz R. *Death and the Right Hand*. N. Y.: Free Press, 1960. 174 p.

Полевые материалы автора

ПМА – 1. Экспедиция в д. Хулимсунт Берёзовского района ХМАО – Югра Тюменской обл., декабрь 2008 г. Информант Г. К. Алгадьева (Самбиндалова), 1943 г. р.;

ПМА – 2. Экспедиция в с. Няксимволь Берёзовского района ХМАО – Югра Тюменской обл., октябрь 2007 г. Информант О. К. Самбиндалова, 1933 г. р.

References

1. Bayburin A. K. *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskij obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1993. 240 p. (In Russian)
2. Vakhter T. *Ornamentika obskih ugrov* [Ornamentation of the Ob Ugrians]. Comp. by N. V. Lukina. Tomsk: Izd. dom Tom. gos. un-ta Publ., 2019. 504 p. (In Russian)
3. Girts K. *Interpretacija kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 560 p. (Seriya «Kul'turologiya. XX vek») [Series «Culturology. XX century»]. (In Russian)
4. Ivanova V. S. *Lokal'nye osobennosti v obryadnosti severnyh mansi (koniec XIX – nachalo XXI veka)* [Local features in the rituals of the Northern Mansi (late XIX – early XXI century)]. Khanty-Mansiysk: IIC YUGU Publ., 2010. 282 p. (In Russian)
5. Ivanova V. S. *Svad'ba i poslesvad'ebnye obryady u severnyh mansi* [Wedding and post-wedding ceremonies of the Northern Mansi]. *Sever, oleni i ne tol'ko ...: Sb. nauchnyh tr.* [North, deer and not only ...: Collection of scientific works]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena Publ., 2014. 151 p. (In Russian)
6. Kannisto A. *Sooruzheniya i veshchi pri zhertvoprinosheniyah vogulov / mansi (per. s nem. N. V. Lukinoj)* [Structures and things during the sacrifices of the Voguls / Mansi (translated from German by N. V. Lukina)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Tomsk State University. Culturology and Art History], 2019, no. 36, pp. 312–322. (In Russian)
7. *Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov)* [Myths, fairy tales, traditions of the Mansi (Voguls)]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 475 p. (Seriya «Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka»; T. 26) [Series «Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East»; Vol. 26]. (In Russian, Mansi)
8. Moldanova T. A. *Ornament hantov Kazym'skogo Priob'ya: semantika, mifologiya, genesis* [Ornament of the Khanty of the Kazym Ob region: semantics, mythology, genesis]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1999. 261 p. (In Russian)
9. Moss M., Yuber A. *Ocherk o prirode i funkcii zhertvoprinosheniya* [Essay on the nature and function of sacrifice]. *Moss M. Social'nye funkcii svyashchennogo: izbrannye proizvedeniya* [Moss M. Social functions of the sacred: selected works]. Saint-Petersburg: Evraziya Publ., 2000. pp. 7–103. (In Russian)
10. Naurzbaeva A. B., Shaygozova Zh. N., Kulsarieva S. P. *Finno-ugorskij i tyurkskij ritual iniciacii nevesty: obshchee i specifichnoe v tradicionnyh sakral'nyh znaniyah (na primere obskih ugrov i kazahov)* [Finno-Ugric and Turkic ritual of initiation of a bride: the general and specific in traditional sacred knowledge (on the example of the Ob Ugrians and Kazakhs)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (2), pp. 388–397. (In Russian)
11. Novik E. S. *Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme (Opyt sopostavleniya struktur)* [Rite and folklore in Siberian shamanism (Experience in comparing structures)]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 304 p. (In Russian)
12. Nosilov K. D. *U vogulov: Ocherki i nabroski* [Among the Voguls: Essays and sketches]. Comp. by Yu. L. Mandrika. Tyumen: SoftDizajn Publ., 1997. 304 p. (In Russian)
13. Popova S. A. *Obryady perekhoda v tradicionnoj kul'ture mansi* [Rites of passage in the traditional culture of the Mansi]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2003. 180 p. (In Russian)
14. Popova S. A. *Osnovnye periody zhiznennogo puti mansijskoj zhenshchiny* [The main periods of the life of a Mansi woman]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 1 (24), pp. 125–134. (In Russian)
15. Rombandeeva E. I. *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [History of the Mansi people (Voguls) and their spiritual culture (according to folklore and rituals)]. Surgut: Sev. dom, Sev.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1993. 208 p. (In Russian)
16. Ryndina O. M. *Platok v kartine mira mansi* [A scarf in the picture of the Mansi world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2020, no. 68, pp. 116–121. (In Russian)
17. Tendryakova M. V. *Muzhskie i zhenskie vozrastnye iniciacii (variant postanovki problemy)* [Male and female age-related initiations (a variant of the problem statement)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1992, no. 4, pp. 29–41. (In Russian)
18. Terner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Comp. by V. A. Beylis. Moscow: Nauka Publ., 1983. 277 p. (In Russian)
19. Yakovlev Ya. A. *Na svad'be i posle neyo* [At the wedding and after it]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2021. 366 p. (Seriya «Zhizn' obskih ugrov: vzglyad iznutri». T. 2) [Series «Life of the Ob Ugrians: a view from the inside». Vol. 2]. (In Russian)

20. Vahter T. *Ornamentik der Ob-Ugrier*. Material gesammelt von August Ahlqvist, U. T. Sirelius, Artturi Kannisto u. a. Bearbeitet und herausgegeben von Tyuvi Vahter. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1953. 216 p. (In German)
21. Gennep A. van. *The Rites of Passage*. Chicago: University of Chicago Press, 1960. 198 p. (In English)
22. Kannisto A. *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1958. 443 p. (In German)
23. Karjalainen K. F. *Die Religion der Jugra-Völker*. Helsinki-Porvoo: Suomalainen tiedeakatemia, 1921. Bd. I. 204 p.; 1922. Bd. II. 386 p.; 1927. Bd. III. 352 p. (In German)
24. Paasonen H., Vertes E. *Sudostjakische Textsammlungen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1980. Bd. I–IV. (In German)
25. Hertz R. *Death and the Right Hand*. N. Y.: Free Press, 1960. 174 p. (In English)

Field materials of the author:

Field materials of the author 1 – *Ekspeditsiya v d. Khulimsunt Berozovskogo rayona HMAO – Yugra Tyumenskoy obl., dekabr' 2008 g. (Informant: G. K. Algad'yeva (Sambindalova), 1943 g. r.)* [Expedition to the Khulimsunt settlement, Beryozovsky District, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Tyumen Oblast, December 2008 (Informant: G. K. Algadyeva (Sambindalova), 1943 year of birth)].

Field materials of the author 2 – *Ekspeditsiya v s. Nyaksimvol' Berozovskogo rajona HMAO – Yugra Tyumenskoy obl., oktyabr' 2007 g. (Informant: O. K. Sambindalova, 1933 g. r.)* [Expedition to the Nyaksimvol settlement, Beryozovsky District, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Tyumen Oblast, October 2007 (Informant: O. K. Sambindalova, 1933 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Светлана Алексеевна, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Истории и этнологии, БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А, каб. 310), кандидат исторических наук.

rusina-popova@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-0675-2743

ABOUT THE AUTHOR

Popova Svetlana Alekseevna, Leading Researcher, Research Department of History and Ethnology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A, office 310), Candidate of Historical Sciences.

rusina-popova@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-0675-2743